

*Ударные военные романы, написанные
ветераном спецназа ГРУ*

Сергей САМАРОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ КНИГ АВТОРА — БОЛЕЕ 4 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ОНИ НЕ УЧАТ УРОКИ —
ОНИ ИХ ПРЕПОДАЮТ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ТОТ САМЫЙ КАЛНЕР

Тимофей Страхов

Сергей Самаров
Тот самый калибр

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Тот самый калибр / С. В. Самаров — «Автор»,
2018 — (Тимофей Страхов)

ISBN 978-5-04-097773-4

Свой боевой опыт капитан спецназа ГРУ в отставке Тимофей Страхов использует на службе в частном детективно-правовом агентстве. Однажды в его кабинете раздается телефонный звонок. Девушка-инвалид молит о защите. Она утверждает, что ее хотят убрать как случайную свидетельницу громкого убийства. Спецназовец спешит на помощь. Но по указанному адресу его ждет страшный сюрприз: девушка зарублена топором, и, похоже, задолго до звонка Страхову. Кто же тогда звонил в агентство? Капитан начинает догадываться, что перешел дорогу очень серьезным силам. Но спецназ ГРУ не запугать, он готов к схватке с любым противником.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097773-4

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	18
Глава вторая	25
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Васильевич Самаров
Тот самый калибр
Роман о российском спецназе

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Самаров С. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

Я только-только вернулся с обеда и сел за стол в своем тесном кабинете, когда раздался этот телефонный звонок. Телефон у меня стоит на краю стола, у стены. Даже после обеда мне, не любителю обильно поесть (я хорошо понимаю, что производители продуктов заодно с производителями лекарств и гробов), было нетрудно дотянуться до трубки. Тем более обедал я дома, куда от места работы добирался общественным транспортом, поскольку машина моя стояла в ремонте после завершения прошлого расследования, когда я был вынужден своим маленьким юрким «Джимни» таранить большой и тяжелый седан «Мерседес» S-класса. Левая блок-фара, бампер, левое крыло, решетка радиатора, капот – все это подлежало полной замене. Требовалось проверить еще и рулевые тяги, которые могли погнуться, и сайлент-блоки, которые могли повредиться. Шаровая опора в такой ситуации, говорят, просто обязана была рассыпаться, и необходимо было сменить левый тормозной цилиндр, который перестал отпускать зажатые тормозные колодки после того, как я отпускал педаль тормоза. Видимо, один из поршней заклинило в выдвинутом состоянии. А это значило, что придется менять и тормозные колодки, потому что левая в этом случае должна стереться, а правая остаться целой. Такое положение грозит неприятностями при торможении автомобиля. Машину может просто развернуть поперек дороги в самое неподходящее время и на самом опасном участке.

Короче говоря, за время пути до места работы весь обед в моем желудке утрясся, и никакой сытой тяжести я не ощущал. И потому до трубки дотянулся без труда.

– Страхов. Слушаю вас внимательно.

– Слушаете? – вроде бы даже удивился высокий женский голос. Может быть, голос даже детский – звонкий и чистый, как колокольчик. – А приехать вы не сможете?

Однако сразу такие запросы...

– У меня машина в ремонте. Производственная травма у машины. Не могу...

– А на городском транспорте? Я неподалеку от остановки живу.

Как ни приятно звенел ее голосок, слушать его мне уже надоело, и я спросил напрямик:

– Чтобы я поехал куда-то, нужны основания. Вы требуете, чтобы я приехал, а я не понимаю зачем и по какой причине я должен к вам ехать. Может, вы все же хоть что-то мне объясните, чтобы я уже сам решил, стоит ли мне ехать?

– Ах, да... – собеседница спохватилась. – Просто я несколько часов прокручивала в голове разговор с вами, и, когда дозвонилась, мне уже казалось, что вы в курсе всего происходящего. Извините.

– Это вы извините, – уважаю людей, которые разговаривают со мной таким тоном. И понимаю, что неумение все сразу объяснить может происходить и от общей растерянности, и от сложности ситуации, в которую человек попал. – Я не знаю, что случилось.

– А приехать вы можете? Я все расскажу вам. По телефону как-то не так получается...

– Куда приехать? – Я уже почти «сломался» от ее вежливости.

– Ко мне. Записывайте адрес...

– Я не записываю адреса, в том числе электронные, и не записываю телефоны. Я их запоминаю. Но вы, вероятно, не понимаете, куда вы обратились... Мне, по крайней мере, так кажется.

– Я обратилась к частному детективу Страхову.

– Вот именно. К *частному* детективу, сотруднику частного детективно-правового агентства. А что это за предприятие? За счет чего оно существует? Уверяю вас, что из бюджета области и города мы не получаем ни копейки. Наше предприятие существует исключительно на средства, которые мы сами зарабатываем. К нам приезжают люди, сначала беседуют с генеральным директором, он решает, браться за решение проблемы, с которой к нам обратились,

или не браться. Если решит, что стоит взяться, то в финансово-договорной группе оформляется договор на оказание услуг. И после оплаты услуг, согласно договору, частные детективы начинают работать.

– Значит, вы только за деньги работаете?

– Конечно. Все работают за деньги.

– А просто так помочь человеку вы не можете?

– Просто так просят помощи у полиции. Работа полиции как раз из бюджета оплачивается.

– Я не могу в полицию обратиться. Я знаю, меня вот-вот должен убить полицейский.

Крутое предположение! Но паники в голосе нет.

– Интересное дело. Тогда вам следует обратиться в прокуратуру.

– Я никуда не могу обратиться. Я не могу квартиру покинуть. Я инвалид и сижу в инвалидной коляске. Мне даже до ближайшего магазина добраться – проблема. За продуктами мне ходит женщина из сокопеки или соседка.

– Извините, – мне стало стыдно, что я упорно хотел заставить инвалида добраться до агентства и оплатить работу, которую мне предлагали выполнить. Я только сейчас понял, что меня просят, по большому счету, даже не о работе, а о защите, хотя и не слишком откровенно. И я вспомнил, что я хотя и уволен в отставку по инвалидности, но все же уволен с правом ношения мундира и наград. И награды эти я получил за то, что людей защищал. А сейчас отказываю в помощи малоподвижному инвалиду. Вообще иногда я прихожу к выводу, что из-за моего дурного характера люди не могут понять, как я их всех люблю. Но переформатироваться у меня, боюсь, уже не получится. – Извините меня, – еще раз сказал я.

Самые простые слова часто доходят до людей лучше, чем пространные объяснения.

– Это вы меня извините. Я сразу не сказала, словно вы все обязаны знать.

– Так что с вами случилось? Кстати, вас зовут...

– Лида Мальцева. Со мной пока еще ничего не случилось. Но случиться может. Дело в том, что я днями просиживаю в своей коляске на балконе. У меня балкон большой. Правда, он на три квартиры один, но большой. Соседи сделали мне специальный заезд. И я выезжаю на балкон. Просто дышу воздухом. Читаю там. Три дня назад я, как всегда, сидела на балконе. И увидела по другую сторону двора, двор у нас небольшой, дома плотно стоят, вот я и увидела, как в квартире напротив полицейский свою жену убивает. Вы слышали, наверное, про это дело...

Признаться, я даже в тех случаях, когда работаю в сотрудничестве с капитаном Саней, не интересуюсь другими делами, которые она ведет. А она, как всякий сотрудник уголовного розыска, одновременно расследует от трех до пяти дел.

– Нет, не слышал.

– Даже по телевизору показывали, и в Интернете про это было...

– Телевизор я вообще не смотрю принципиально, даже не держу его дома. А в Интернет в последние дни выходил только по необходимости. Я был сильно занят по работе.

– Извините, это для нас, инвалидов, телевизор – окно в большой мир. Нам другого не дано. Простым людям это, наверное, и не нужно.

Я не стал сознаваться, что я тоже инвалид, хотя и достаточно подвижный. Даже более подвижный, чем большинство людей не инвалидов. Хотя и нахожусь в настоящее время не в самой лучшей форме. У меня сломаны три ребра и основательно повреждена голова. Ребра ломали пули, застрявшие в бронежилете скрытого ношения, а голова пострадала от удара кастетом. Но я не стал брать больничный лист, хотя вполне мог бы себе это позволить. Врач в гарнизонном госпитале безоговорочно сказал, что у меня есть небольшое сотрясение мозга и мне нужен покой. Я оставил пожелание покоя на совести врача. Пусть ему покой снится. У меня на это времени даже во сне не отведено. И в более тяжелых условиях с легким сотрясе-

нием мозга я не думал об отдыхе. Подумаешь, головная боль... Поболит и перестанет. Тем более сотрясение легкое.

Особого дискомфорта я не испытывал. Иногда слегка подташнивало, иногда несильно голова кружилась, и постоянно катались в области виска бильярдные шары. Катались и бились друг о друга с треском. Я легко научился не обращать на это внимания. Больше беспокойства мне доставляли ребра. Да и то не целый день, а только на утренних занятиях, как я их называл, по ОФП. То есть по общефизической подготовке. Глубоко дышать и резко двигаться из-за боли в ребрах было сложно. И я даже пошел на то, чтобы сократить время каждой утренней пробежки вдвое, и боксерский мешок избивал с меньшей интенсивностью, при этом вообще не нанося акцентированных ударов. Просто оттачивал траекторию движений всего тела, от пальцев ноги до бьющей поверхности кулака. Тоже, естественно, с болью, но без резких движений это было терпимо. Ну, и обезболивающие таблетки принимал. Это, кстати, единственный вид таблеток, которые меня можно заставить принимать. Кроме того, я хорошо знал, что боль со временем становится привычной и на нее внимания не обращаешь. А потом, когда ее не будет, состояние будет казаться даже странным. Как это так – без боли жить?

– Я вас понимаю, хотя думаю, что телевизионный мир заметно разнится с миром реальным. Особенно новостной и киношный телевизионные миры. Но давайте вернемся к событиям, о которых вы рассказывали. Вы кому-то сообщили, что стали свидетелем убийства?

– Нет. Я испугалась и спряталась. Просто кресло-коляску развернула спиной ко двору. Если бы тот полицейский в окно посмотрел, он увидел бы только мой затылок и не подумал, что я стала свидетелем. А сегодня утром я увидела, как он мой балкон и меня в бинокль рассматривает. За шторой встал и выглядывает. У меня ноги не ходят, но зрение хорошее. Я его хорошо видела. Теперь боюсь, он меня убьет, как жену, топором... Он ее топором зарубил...

– Время не запомнили, когда он из окна в бинокль смотрел?

– Я специально на часы посмотрела. Было десять двадцать семь.

– Полностью уверены, что это был именно он? Он же за шторкой прятался...

– Потом он вышел. Уже без бинокля. И в мою сторону уже не смотрел. Я узнала его...

– Хорошо. А от меня вы что хотите?

Мой вопрос был естественным. Она, похоже, не понимала, что я не имею возможности у нее поселиться.

– Защиты... Я надеюсь, что вы сможете меня защитить. Или того полицейского арестовать...

– Говорите свой адрес, я приеду к вам, поговорим и решим, что можно предпринять. Вы не пугайтесь, у нас законом предусмотрены меры по защите свидетелей. Вас всегда можно будет спрятать до суда, пока убийцу не отправят «по этапу». Говорите адрес...

Она назвала адрес, я запомнил. Это было почти в центре города, в старом районе, построенном еще до революции. Когда-то это и был настоящий центр. Добраться туда даже без машины было несложно.

– Так вы приедете? Мне ждать?

– Буду у вас минут через сорок. Раньше, думаю, никак не успею.

– Только мне нечем оплатить вашу работу. Вы это понимаете?

– Если бы счастье было в деньгах, я всю жизнь был бы несчастным человеком. И потому я привык... Не люблю и не хочу быть несчастным...

* * *

В данном случае я уже пожалел, что не пожелал «болеть» и восстанавливаться, лежа на диване. Вообще-то я люблю лежать на диване так, словно собираюсь завтра продать его. Так лучше отдыхается. Наверно, при хорошем отдыхе и восстановление пойдет быстрее. И при

наличии больничного листа никто не спросил бы меня, чем я занимаюсь. Тогда бы я мог без проблем приступить к разборкам по этому делу и сумел бы, возможно, принять меры по защите женщины-инвалида. И никто не укорил бы меня за бесплатную работу. Я хорошо помню, что меня предупреждали еще при устройстве в систему частного сыска, что любые расследования, стороной идущие мимо бухгалтерии агентства, не приветствуются, хотя порой случаются по личным или дружескими обстоятельствам. И сейчас, хмурясь так, как никогда обычно не хмурюсь, я пошел к секретарше генерального директора.

– Шеф меня не спрашивал?

– Нет. Он сейчас, кажется, свободен. Можете зайти.

– Нет. Я сейчас поеду на иглоукалывание, надо сломанные ребра восстанавливать. А то дышать трудно. Если спросит, скажи ему, где я.

– Хорошо, Тимофей Сергеевич.

– Если спрашивать не будет, можешь не говорить.

– Что так?

– Боюсь, мне каждый день придется на сеансы ездить. Чем позже Петр Васильевич об этом узнает, тем лучше. Больных сотрудников нигде не любят.

– Да, выглядите вы усталым. Давление измерить? У меня тонометр есть.

– Мне в госпитале измеряли.

– И что?

– Сто шестьдесят на сто было.

– И что сказали?

– В госпиталь уложить пытались.

– А вы?

– А я, как всегда, не сдался.

– А что посоветовали? Лекарства какие-то...

– Предложили срочно отказаться от коньяка.

– А вы?

– Я пообещал перейти на водку. Короче говоря, Петр Васильевич будет спрашивать, скажи, как просил...

Она согласно кивнула. А я сначала вернулся к себе в кабинет, включил принесенный с собой ноутбук, подключился к местной сети Wi-Fi, чтобы не тратить деньги с USB-модема, и, прежде чем позвонить капитану Сане, вошел в сеть городского управления внутренних дел с ее паролем и в разделе «Расследования» быстро нашел нужные материалы.

Суть дела сводилась к тому, что у себя дома была зарублена топором беременная жена старшего лейтенанта полиции Виктора Юровских. Сам старший лейтенант в момент убийства, по его утверждению, находился у своей матери, где временно проживает, чтобы ухаживать за больной бабушкой. Там же проживает дочь старшего лейтенанта от первого брака. И девочка, и мать подтвердили, что Виктор Юровских в тот день никуда от матери не выходил. Это посчитали твердым алиби, и подозрение на старшего лейтенанта не пало.

В квартире, по утверждению Юровских, ничего не пропало. И не было никакой зацепки, чтобы найти след преступника. Вел следствие капитан Колбасников, с которым я только здоровался, но не был даже в приятельских отношениях. Капитан Колбасников сидел через два кабинета от капитана Сани на том же этаже, обладал большим носом и страдал от хронического гайморита, как он красиво называл свой непроходящий насморк, постоянно заставляющий его хрюкать, как стадо диких кабанов.

Мне он не нравился чисто внешне. Я всегда не любил человекообразных кабанов и потому никогда не делал попыток с ними подружиться.

Бывает так, ничего плохого человек тебе не сделал, но чисто внешне он тебе несимпатичен, и ты интуитивно его сторонишься.

Кроме того, Колбасников страдал жуткой потливостью ног, вследствие чего долгое нахождение с ним в одном помещении оказывалось затруднительным. При этом Колбасников, видимо, своими толстыми пальцами справлялся с компьютерным набором лучше, чем капитан Саня своими тонкими и музыкальными пальцами, и потому все материалы дела были в цифровом варианте представлены на сайте. Но материалов было настолько мало, что выудить из них что-то интересное просто не представлялось возможным.

После этого я нашел на сайте подробную карту-план города. Нашел не просто нужный дом, а весь двор, и увеличил его так, что план перестал помещаться на мониторе моего большого ноутбука. Пришлось двигать план двора по экрану. Тем не менее я определил, с какого места Лидия Мальцева могла наблюдать убийство.

Честно говоря, меня сразу смутило расстояние. Я считаю, что у меня зрение стодвадцатипроцентное. Однако с такого большого расстояния определить лицо человека, узнать его черты было бы достаточно трудно даже мне. Но я знал, что план города грешит неточностями и двор в действительности может оказаться гораздо меньшим, чем значится на плане. Я не стал заморачиваться раньше времени.

Посмотрел я еще и раздел регистрации граждан города. Нашел Лидию Владимировну Мальцеву. На ее страничке была только фотография, какая вклеивается в паспорт. А как такие фотографии делаются, я знаю. Фотограф заставляет человека сотворить страшную физиономию и в этот момент фотографирует. В итоге обладатель паспорта часто сам себя не может узнать. Тем не менее с фотографии на меня смотрела достаточно симпатичная девушка двадцати одного года от роду. В данных МВД ничего не говорилось о том, что она инвалидка, прикованная к креслу-каталке, но такого упоминания и не должно было быть. О самой Лидии Владимировне никаких данных на сайте не было. Но, чтобы в этом убедиться, мне пришлось перейти еще в один раздел сайта – «Досье». Но и там ничего не нашел.

Я набрал номер капитана Сани.

– Привет! Как дела?

– Такие времена настали, что хочется из чувства самосохранения умереть. Устала невероятно. Это легче, чем работать.

– Утром опять тренировку пропустила... – укорил я.

– Подумала, ты не в состоянии заниматься. Тебе же ребра дышать не дают. Пожалела и, чтобы передо мной не старался, не пошла. Хотя сознаюсь, накопившееся дурное настроение на боксерском манекене сорвала. Что называется, пар выпустила.

Боксерский манекен подарил ей я, при этом сам обходился простым мешком. На манекене проще отрабатывать отдельные точные удары. У меня они и без того отработаны, так что мне мешка вполне хватало.

– Я спокойно потренировался. Без напряга. У меня к тебе вопрос. Слышала что-нибудь про убийство жены вашего старшего лейтенанта?

– Леха Колбасников дело ведет. Надо у него спрашивать. Я только краем уха на оперативке у Котова что-то слышала. Помнится, там все без просвета. А что тебя заинтересовало?

Пришлось коротко, почти по-армейски, рассказать ей о звонке Лиды Мальцевой.

– Чтобы Витя Юровских зарубил топором жену – не поверю, – категорично сказала Саня.

– Юровских из какого отдела? – поинтересовался я.

– Из оперативно-разыскного. Я его хорошо знаю. Такой «белый и пушистый», безвредный мальчишка с тихим невнятным голосом. Немного стеснительный, воспитанный, ко всем строго по имени-отчеству обращается, на мента совсем не похож. Даже если что-то и было... Это как надо человека довести, чтобы такой парнишка за топор схватился. Я не знаю его жену, но коллеги говорят, что была внешне хорошая семья. Первая жена у Юровских умерла при родах. Осталась девочка. Вторая жена во всем старалась ей мать заменить. Короче говоря, не верю, как Станиславский говорил... И никто у нас в управлении не верит.

Но, насколько я слышала, у Юровских стопроцентное алиби. Я понимаю, что его видели мать и дочь. Родственные отношения, и все такое... Это алиби было бы слабым. Но старший лейтенант вызывал матери «Скорую помощь», его видели и разговаривали с ним врачи. Разговаривали с ним долго, объясняли что-то про лечение. Правда, это было по времени чуть раньше убийства, и можно было бы успеть доехать, но Юровских не мог же сразу после врачей бросить больную мать и уйти убивать жену. Это не логично. Не в его характере. И, главное, мотива преступления нет. Думаю, твоя свидетельница что-то путает. Поговори с ней, потом с Колбасниковым встретишься. И не смотри, что Леха с виду простоват и даже, как сначала кажется, туповат. Он всегда себе на уме. Хитрый и логичный следователь. Я сначала тоже его не понимала, потом, со временем, вникла.

– Ну, вот видишь, а говоришь, что ничего об этом деле не знаешь. А сообщила мне то, чего нет в материалах на вашем служебном сайте.

– А как ты на наш сайт попадаешь? – капитан Саня стала спрашивать строго.

Раньше я попадал на сайт с ее старым паролем, но потом она пароль сменила и мне об этом ничего не сказала. Но я отследил ее, когда она сама на сайт выходила, уже с новым паролем, определил и запомнил, и уже сам не сказал ей об этом, чтобы она не сменила пароль еще раз.

– Ты думаешь, ты одна там работаешь? – без конкретики отговорился я, как от мухи отмахнулся. – Не забывай, что я пусть и отставной, но разведчик. И имею не только собственные слабые навыки хакера, но и могу профессиональных хакеров к своей работе привлекать. А вообще-то могу тебе, для повышения компьютерной грамотности, посоветовать программу «AAPRP». Самая простая и надежная штука для подбора паролей. Я всегда ею пользуюсь. Ладно... Это все пустые разговоры. Вечером, короче говоря, на тренировку приходи...

Последнюю фразу я сказал строго и с ворчанием, чтобы ее следовательский пыл охладить. А мне пора было уже ехать к Лиде Мальцевой, как я и обещал. Минутная стрелка торопила...

* * *

Городской общественный транспорт не располагает к повышенной сосредоточенности. Конечно, когда пассажиров мало, можно где-нибудь присесть и углубиться в свои мысли. Но мне, человеку, который начал настойчиво отвыкать от городского общественного транспорта, к которому никогда и не привыкал, даже наполовину пустой трамвай, троллейбус или автобус казались переполненными.

В принципе, я и в военном городке никогда общественным транспортом не пользовался.

Городок ДОС¹ у нас находился сразу за забором расположения бригады. Домой можно было ходить даже не через КПП, а через забор, но это был бы плохой пример для солдат, и потому офицеры пользовались официальным проходом.

Автобус из городка и в городок, кстати, ходил только в райцентр и из райцентра, и им кто-то по необходимости пользовался даже внутри ДОС. Чуть чаще пользовались в дальних поездках в райцентр. Хотя это тоже бывало редко. Кто не имел своего транспорта, обычно договаривался с тем, кто имеет, и присоединялся за компанию ко вторым, когда те ехали. Можно было на рейсовом автобусе и почти до дома от КПП добраться. Только я не знаю, кто у нас ленился пройти лишние пятьсот метров.

Старая машина же приучила меня самостоятельно до райцентра добираться. Таким образом, привычки к пользованию общественным транспортом у меня не выработалось. А новую машину я приобрел почти сразу, как в областной центр перебрался. Это меня полностью от

¹ ДОС – дома офицерского состава.

общественного транспорта отлучило. А теперь вот пришлось привыкать. Но, как бывший военный разведчик, я был человеком приспособляемым и не испытывал больших неудобств. Тем более погода в последние дни лета испортилась, и в транспорте было нежарко...

До нужной остановки, согласно моим часам, я добрался за двадцать шесть минут. Если учесть, что из своего офиса я выбрался через пять минут после завершения разговора с Лидией Мальцевой, то у меня в запасе было еще девять минут. Вообще-то я предпочитаю всегда быть пунктуальным и если договорился о конкретном времени, то не прихожу ни раньше, ни позже, хотя и не ориентируюсь, понятно, на секундную стрелку.

Дома в этом старом районе не превышали четырех этажей, но имели высокие потолки и потому внешне были выше современных стандартных пятиэтажек. Я не сразу прошел в нужный мне двор, а, убивая время, прогулялся по улице, присматриваясь к району, который плохо знал. И только когда время вышло, решительно зашел во двор.

С улицы дома выглядели прилично и почти престижно. Создавалось впечатление, что в этих домах хорошие квартиры. Со двора же дома были обшарпаны и несли на себе следы времени, которое никогда не щадит даже признанных красавиц. Большие балконы, про которые мне по телефону сообщила Лидия, были только на втором и третьем этажах дома справа. Первый и четвертый этажи были совсем без балконов.

На балконе я никого не увидел. Никто не сидел там в инвалидной коляске, дожидаясь меня. Наверное, молодой женщине было проще ждать в квартире, чтобы быстрее доехать до входной двери.

Я нашел нужный подъезд, вошел. Зная, что здесь живет на втором этаже женщина-инвалид, я ожидал увидеть пандусы для спуска коляски по лестнице. Сейчас иногда даже в новых домах ставят такие приспособления, чтобы можно было без проблем скатить и закатить вверх даже детскую коляску. Но здесь я ничего не увидел. Это автоматически означало, что Лидию Мальцеву местные власти обрекли на жизнь внутри квартиры-камеры, практически без внешнего мира. Спуститься по ступенькам, придерживаясь за перила, она, возможно, еще и могла бы, если бы сил хватило. Но вот чтобы подняться на второй этаж, держась за те же самые перила, нужно было иметь руки атлета, способного делать со своим телом сложные физические упражнения. А, судя по фотографии на сайте городского управления МВД, Лидия была женщиной хрупкой.

Я поднялся на второй этаж, остановился перед дверью. Старательно вытер обувь о влажную тряпку, постеленную, видимо, совсем недавно, скорее всего, кем-то из соседей, жалеющих Мальцеву и ухаживающих за ней по мере сил. Нажал кнопку звонка. Ждал я долго, но не услышал за дверью никакой реакции на звонок. Понимая, что инвалидка не может передвигаться так же быстро, как здоровый человек, я выдержал длинную паузу, прежде чем позвонить во второй раз.

Теперь уже настойчивее. И опять никакой реакции. Пожав плечами, я уже решил уйти, когда что-то задержало мое внимание. Может быть, чересчур большая щель между самой дверью и уплотнителем из войлока, прибитого тонкой полоской по периметру косяка. В принципе, это могло быть следствием чьей-то неаккуратности, а могло быть...

Дверь открылась легко и без звука. Я вошел, в два шага преодолел тесную прихожую. Дверь в комнату была открыта, как и балконная дверь. Перед балконной дверью, спинкой ко мне, стояла инвалидная коляска. Я шагнул вперед, уже понимая, что мне предстоит увидеть. Понять было нетрудно. Справа от коляски вплотную к стене располагался диван с неубранной постелью. На одеяле текстом вниз лежала раскрытая книжка. Там же стоял телефонный аппарат с длинным проводом, лежала гитара с порванной, собравшейся в неровные кольца струной. А рядом валялся окровавленный топор с прилипшими к нему темными длинными волосами...

* * *

Я подошел ближе. Не слишком торопливо, хотя видом крови испугать меня было сложно. И видом расколотой топором головы тоже. Обошел кресло и увидел ту, что звалась раньше Лидией Мальцевой. Она, похоже, оборачивалась как раз в тот момент, когда ей нанесли удар. Но обернуться ей было сложно, она только приподняла голову, и лезвие топора ударило ее не в темя, а частично в лоб, частично в верхнюю переднюю часть головы. Один-единственный удар был смертельным. С такими ранами умирают в течение секунды. Должно быть, топор не отличался остротой и череп не прорезал, а именно прорубил, как прорубил бы его, скажем, колун. Но лезвие вошло в мозг.

Лидия Владимировна перед ударом инстинктивно сжалась, насколько смогла это сделать, попыталась пригнуться, уже сидя в кресле, и была убита в этой позе. Вот потому от входа голову ее за спинкой инвалидного кресла видно не было. Глаза убитой оставались широко распахнутыми. Должно быть, при жизни у нее были большие глаза, они не пожелали закрыться и после смерти. Кровь из раны стекла не по глазам, а по носу на подбородок и грудь, пропитала халат. Хорошо различались сильно расширенные испуганные зрачки.

Мне было больно рассматривать Лидию Владимировну. Наверное, она ждала меня, надеялась, что я ее спасу, хотя я не предполагал, откуда у нее могла появиться такая уверенность. Меня в городе знают немногие. Разве что несколько удачно проведенных расследований могли дать почву слухам. Так, наверное, и было. Кто-то ведь дал ей мой служебный телефон.

И вот я не смог оправдать ее ожидания. Опоздал. Это всегда бывает больно, когда на тебя надеются, а ты опаздываешь. Будь у меня машина под рукой, я, возможно, и успел бы. Не потеряй я время на поиски данных о ней на полицейском сайте, я тоже, возможно, мог бы успеть. В конце концов, если бы я воспользовался такси, я мог бы успеть спасти ее. Но сослагательное наклонение в данном случае было недопустимо. Это я хорошо знал.

Я потрогал пальцем кровь у нее на лбу. И понял: нет, я не успел бы, даже если бы летел на вертолете. Когда она звонила, убийца, возможно, уже открывал дверь ее квартиры. Кровь успела застыть, хотя и была еще мягкой. Впрочем, головная кровь всегда густая. А густая кровь застывает быстрее. Тем не менее я отдавал себе отчет в том, что эксперт из меня никакой и время убийства с относительной точностью в пределах двух часов, как всегда, определит только специалист.

Я вытащил трубку, чтобы передать сообщение дежурному по городу. В этот момент услышал, как со стуком распахнулась дверь в прихожую, и почти сразу же в комнату ворвались трое патрульных с автоматами, наставленными на меня. И тут же через раскрытую балконную дверь я услышал вой сирены полицейских машин, что въезжали во двор. При этом я сразу сообразил, что даже с включенными сиренами и проблесковыми «маячками» дежурной следственной бригаде требовалось никак не менее десяти минут, чтобы добраться от городского управления до места убийства. А я здесь находился чуть больше пяти минут. То есть кто-то позвонил в полицию с сообщением об убийстве примерно в то время, когда я выходил из автобуса. Меня попросту караулили...

– Руки на стену! Лицом к стене! Ноги шире плеч! – визгливо командовал мне сержант с автоматом.

– Сначала следует говорить «лицом к стене» и только потом «руки на стену», – поправил я его. – И не размахивай оружием, как неандерталец дубинкой. Я – частный сыщик.

Дверь полицейский наряд за собой не закрыл, и я слышал топот ног на лестнице. Поднималась дежурная следственная бригада.

– Поговори мне еще... – прошипел сержант. – Лицом к стене! Руки на стену! Ноги шире плеч!

Пластинку заело – так, кажется, говорили раньше, когда пользовались виниловыми пластинками. Или сержант других слов не знал. А скорее всего, он просто меня боялся. Принял за убийцу и боялся, что я и его, несмотря на три наставленных на меня автомата, убью.

Я ждал, когда появится оперативная бригада, и не торопился вставать лицом к стене, чем сержанта сильно смущал. Он не знал, как себя вести в этом случае. Но оперативная бригада появилась вовремя. Возглавляли ее, судя по всему, одновременно и дежурный следователь уголовного розыска, и капитан Колбасников. Вернее, Колбасникова прилепили, видимо, потому, что он ведет дело об убийстве в том же доме. Так обычно делается, поскольку велика вероятность свести дела в одно общее производство.

Колбасников вместе с дежурным следователем, имени которого я даже не знал, подошли ко мне и пожали руку, здороваясь.

– Ты, Тим Сергеевич, вызвал? – спросил Колбасников.

– Не успел. Только трубку вытащил, чтобы позвонить, как эти вот трое врываются и хотят меня лицом к стене поставить...

Я не жаловался, я насмехался.

– А ты? – спросил дежурный следователь. – Не побил их, что ли? И автоматы не отобрал? Он нарочито внимательно осмотрел полицейский наряд снизу вверх и обратно.

– Не успел. Вы помешали. Сирены услышал...

– Спасли мы, выходит, парней, – пошутил следователь.

– Да мы сами... Того... – Сержант приподнял автомат, показывая, что он умеет автоматом плашмя по голове бить.

– Вот именно, – заметил я. – Того... Автоматы у всех троих на предохранителе.

– Долго, что ли, снять.

Моя насмешка сержанта, видимо, задела.

Он резким движением перевел предохранитель мимо положения одиночной стрельбы сразу в положение стрельбы автоматической. Но забыл вернуть его на исходное место.

– А если бы на моем месте оказался настоящий убийца? Ему терять уже нечего. И топор под рукой. Три удара можно за секунду нанести. А вы все трое так встали, что вас и без топора достать можно.

– Попробуйте-ка, достаньте... – тонко хихикнул сержант, уважительно переходя на «вы». Сообразил, должно быть, что имеет дело с офицером. Но считает, похоже, что с офицером полиции. С частными сыщиками сержанты ведут себя обычно вольнее. – Нас тоже кое-чему учили...

– Только не научили, – просто констатировал я, отворачиваясь. – Или вам не объясняли, что один должен подойти к задержанному, а двое должны задержанного на прицеле держать? Чтобы не шевельнулся. Предохранители при этом обязательно должны быть в боевом положении. Хотя и это тоже не выход. По крайней мере, против опытного человека. Можно того, кто подойдет, захватить и вместо щита использовать.

– Я же говорю, попробуйте...

– Если он пробовать начнет, придется тебя, сержант, в госпиталь доставлять. – Капитан Колбасников сам ни разу, если мне память не изменяет, не наблюдал в действии рукопашный бой в исполнении капитана частного сыска. Но, как я понял, стараниями капитана Сани и других ментов по городскому управлению слухи разошлись. А слухи не бывают непреувеличенными. Иначе они из слухов превратятся в доклады и рапорты.

– Мы не из пугливых, товарищ капитан, – отозвался сержант.

Я стоял, отвернувшись от него, и, протянув руку, ухватил сержанта за ключицу, нажал на нервный узел, ключицей прикрываемый, и тем самым заставил его встать на колени. А потом просто показал удар своим протезным коленом из высоколегированной нержавеющей стали прямо в челюсть. Показ получился по касательной. Должно быть, сержант головой хотел мот-

нуть головой от боли в ключице. В результате он за челюсть схватился и посмотрел на меня с удивлением.

– Вы что, всегда в металлических наколенниках ходите?

– Теперь – всегда. Только не в наколенниках, а с протезной коленной чашечкой, – спокойно объяснил я. – Моя родная оказалась полностью раздробленной при ударе о ствол дерева. Раньше родной бил, теперь металлической. А мог бы и не бить, а просто отбросить тебя на напарника с автоматом. И пока бы вы друг друга поднимали, я свалил бы третьего. И отобрал автомат. Исключительно для личных нужд.

– Для каких таких личных?

– Я люблю бриться, когда у меня автомат под рукой лежит. Очень это удобно. Вдруг сильно порежусь? Всегда можно застрелиться, чтобы не страдать.

Третий мент из наряда был самодовольным «центнером» ростом около ста девяноста. Он только улыбался, понимая, что я при всем желании и старании, неделю не посещаю туалет, могу с трудом потянуть только на три четверти от его веса. И потому не мог поверить, что я сумею его свалить. И даже наивно с высоты своего роста спросил:

– И как это выглядело бы? Люблю, когда меня свалить пытаются...

Он был молод. Наверное, только-только вернулся из армии и сразу пошел служить в полицию. И мало еще в жизни повидал. И его, конечно, стоило поучить. Не проучить, а только поучить, чтобы имел понятие, что человек, значительно уступающий ему в параметрах, тоже может против него кое-что предпринять. Я осмотрелся. Эксперты еще только раскрывали свои чемоданчики и готовились к работе, значит, время у меня было.

– Ты, сынок, считаешь себя физически сильным парнем, – сказал я утверждающе. – Но по природной глупости не жалеешь жильцов первого этажа, у которых люстра может упасть.

– Не просто считаю. Я и есть сильный.

Самодовольства в нем было больше, чем ума, понял я. Наверное, и больше, чем силы.

– Может быть, думаешь, что и драться умеешь?

Я подошел ближе.

– Не думаю. Просто умею.

– Но не знаешь, что в рукопашной схватке побеждает не тот, кто сильнее, выше и тяжелее, а тот, кто умеет управлять противником.

– А я, если драться начинаю, становлюсь неуправляемым, – самодовольно усмехнулся «центнер» и посмотрел на коллег. Те согласно хохотнули. Они, кажется, тоже сильно сомневались в возможности такого внешне не гиганта, как я, свалить крупного парня. И заранее радовались развлечению.

– Тогда ударь меня, – вежливо попросил я.

– Как?

– Просто. В лицо.

– С удовольствием, – это было произнесено смачно и нагло.

Капитан Колбасников подошел ближе, предупредил, думая, что я забыл:

– Тим Сергеевич, у тебя же, я слышал, куча ребер сломана.

– Это мне не мешает. Бей...

«Центнер» передал свой автомат напарнику и тут же попытался нанести резкий удар всем весом своего тела. Тот, кто такой удар пропустит, повторения не попросит. Его попросту не понадобится. Даже я не ожидал от этой туши подобной прыти. Но он бил всем телом, «проваливаясь» после удара и рассчитывая, что кулак его встретит сопротивление моей головы и это остановит падение его тела.

Я удар не отбивал, хотя мог бы просто направить его мимо своей головы легким касанием кисти. Я пошел дальше. Движением кисти направив удар мимо головы и развернув свой корпус параллельно направлению удара, позволил «центнеру» «провалиться» как можно глубже. И не

убрал свою руку, а, напротив, захватил его за рукав рядом с кистью и повел руку вниз, одновременно отбивающей рукой осуществляя сильное давление на локоть. Чтобы рука не сломалась, «центнер», уже начав подвигать от боли в суставах, вынужден был согнуться, перевернуться и всей своей широкой спиной плюхнуться на пол.

По большому счету, это был прием по системе айкидо, доработанный до боевого уровня в системе Кадочникова, которая в значительной степени используется при подготовке в спецназе ГРУ. Правда, с той разницей, что в спецназе, где изучают аспекты «рукопашки», еще отработано и добивание противника. И я показал удар каблуком в челюсть лежащему на спине противнику, самой челюсти не коснувшись. А потом наметил удар каблуком в печень. Вообще-то я мог сразу слегка дернуть вверх его руку, и тогда он сам упал бы всем своим весом себе на печень. И сам бы себя этим надолго отключил. И даже под угрозой убийства не смог бы подняться. Но при этом обязательно пострадала бы его вывернутая рука. А мне сейчас было ни к чему ослаблять полицейский патруль небоевыми потерями.

– Вот это и есть не сопротивление, не схватка, а управление противником. Я управлял, сынок, твоим телом вместо тебя и заставил тебя кувыркнуться. И не моя вина, что тебя не научили правильно падать. Подыши глубоко, переведи дыхание.

«Центнер» встал на четвереньки и тяжело задышал.

Как раз в этот момент трижды подряд блеснула вспышка фотокамеры. Эксперт снимал тело убитой Лидии Мальцевой. Капитан Колбасников первым сообразил, что мы не тем занимаемся.

– Сержант, свободен! Уведи своих людей и не мешай следствию.

Работа началась. Патологоанатом Владимир Владимирович осматривал труп, запуская пальцы в тонких резиновых перчатках в рану на лбу.

– Когда совершено убийство? – спросил следователь, имени которого я не знал.

– Пока могу сказать только предположительно. Но не менее полутора-двух часов назад.

– Она мне позвонила и пригласила к себе, – я посмотрел на часы, – пятьдесят минут назад. Даже сорок восемь минут, если быть точным...

– Капитан частного сыска опять желает спорить с судмедэкспертизой, – сначала просто-на, а потом недовольно цыкнул патологоанатом, с которым мы часто не сходились во мнении в прошлом расследовании. – Здесь я скажу конкретно. Не знаю уж, кто вам звонил, Тимофей Сергеевич, но она могла вам позвонить только с того света...

* * *

Когда я вышел из подъезда, то удивился, что полицейский «уазик» еще не уехал, патрульные стоят около «Газели» дежурной оперативной бригады, беседуя с водителем. Здесь же был и второй водитель, с «Газели» судебно-медицинской экспертизы. Но патрульные, заметив меня, сразу шагнули навстречу. Только их водитель остался рядом с «Газелью».

– Извините, мы сразу не поняли, кто вы... – сказал сержант и почесал раструбом своего «тупорылого»² автомата нос.

– А кто я?

– Капитан частного сыска? – с надеждой в голосе поинтересовался «центнер».

– Да, иногда меня так зовут. Только не надо стрелять себе в нос. У тебя автомат с предохранителя снят. Как ты нам показывал, когда убеждал меня, что тебе недолго его снять, так и оставил.

² «Тупорылый» автомат – АКС74У, автомат Калашникова с укороченным стволом и раструбом, заменяющим пламегаситель. Из-за раструба и получил название «тупорылый».

– Ничего, перезаряджу... – успокоил меня сержант. Вопрос оторванного возможной очередью носа его, кажется, мало волновал.

– Дело хозяйское, – усмехнулся я. – Ко мне вопросы есть?

– Есть. Не знаю только, с какой стороны к вам «подкатить». Короче говоря, дело такое... Не могли бы вы с нашими сотрудниками занятия провести? В райотделе. В патрульно-постовой службе. Хотя бы на пару недель семинар по рукопашному бою. Если начальство денег не даст, мы сами собрали бы и оплатили. У нас ведь работа такая... Мы всегда на острие. Происшествия часто случаются. Чаше, чем у ОМОНа. Но нас не тренируют, как их...

– К сожалению, при моей занятости это невозможно. Я бы вам предложил обратиться в разведуправление штаба округа. Там, возможно, смогут выделить вам инструктора. Хотя лично я вижу мало пользы от двухнедельных и даже месячных семинаров. Занятия должны быть постоянными. В противном случае вы можете получить только отдельные навыки, но не систему. А рукопашный бой – это сложная система. Даже солдаты занимаются в течение года по несколько часов в день и тоже приобретают, как я считаю, только базовые навыки, которые не могут сравниться с офицерскими возможностями.

Патрульные меня поняли и не настаивали. Только «центнер» поинтересовался:

– А какими путями можно до разведуправления добраться? И с кем там разговаривать?

Я назвал телефонный номер полковника Быковского, начальника диверсионного управления, которому спецназ и подчиняется.

– Полковник Быковский Василий Игоревич... – повторил я.

Сержант записал в своем блокноте фамилию-имя-отчество, звание и служебный номер телефона.

– А он нас не пошлет? – поинтересовался патрульный.

– Не могу дать гарантий. Попробуйте... По крайней мере, сразу расстреливать не будет. Можете на меня сослаться...

Глава первая

Рабочий день уже заканчивался. Но я все же вернулся в свой кабинет в детективно-правовом агентстве. Не потому, что очень уважал местную дисциплину, хотя считал себя человеком по-армейски дисциплинированным, а просто потому, что желал забрать свой ноутбук, с помощью которого иногда вечером «брожу» по Интернету.

На месте убийства Лидии Мальцевой мне делать было просто нечего. Меня, естественно, предварительно допросили, выяснили, как я оказался в ее квартире. Составили протокол. Удивление следователей вызывала причина вызова частного сыщика. Новое обвинение против старшего лейтенанта Юровских?

Следователи в эту версию убийства не верили. Они Юровских хорошо знали, что и неудивительно. Оперативно-разыскной отдел входил в состав криминальной полиции, то есть туда же, куда и уголовный розыск. И опера всегда работали вместе со следователями. Даже сейчас в оперативной бригаде по вызову приехали два следователя, эксперты и целых три опера из оперативно-разыскного отдела. Но они в наш разговор не лезли, занимаясь своим делом.

То, что я для себя выяснил на месте преступления, капитану Колбасникову я рассказывать пока не стал. Придержал для себя, пока наблюдения так или иначе не прояснятся.

Я вышел на балкон и с него посмотрел на противоположный дом. И убедился, что с этого балкона даже при моем прекрасном зрении невозможно рассмотреть лица людей в окнах. Значит, если Василий Васильевич ошибается и мне звонила все же Мальцева, то она меня просто обманывала. Увидеть и узнать человека, который прятался за шторой с биноклем в руках, невозможно.

Если же Василий Васильевич прав в своей оценке времени убийства, то звонила мне не Мальцева. Но тогда кто? И для чего этот кто-то мне звонил?

Здесь было два варианта. Согласно первому, кто-то хотел сгустить тень подозрения, что падала на старшего лейтенанта Юровских. И, возможно, выдвинуть против него еще одно обвинение – в убийстве свидетеля первого преступления. В это оба следователя категорически не поверили.

Второй вариант был маловероятен, тем не менее сбрасывать его со счетов тоже было нельзя. Кто-то хотел, чтобы меня застали в квартире Мальцевой и обвинили в ее убийстве. Тогда становится объяснимым и вызов оперативной бригады. Рассчитали время, проследили, когда я буду рядом, и позвонили так, чтобы патруль застал меня здесь.

Мне захотелось этот звонок услышать самому. Хорошо, что в полиции все звонки на «02» в обязательном порядке записываются. И потому из агентства я поехал не домой, а в городское управление внутренних дел, где уговорил дежурного найти эту запись. Он не долго возился с компьютером, благо время было точно указано в журнале регистрации, и включил мне запись для прослушивания.

Звонила, вне всякого сомнения, совсем не та женщина, что говорила со мной от имени Мальцевой. Представилась соседкой. Она собралась в магазин и хотела спросить у Мальцевой, не нужно ли ей чего. Дверь своей квартиры Мальцева, оказывается, закрывает только на ночь. Соседка зашла и все увидела. При этом сильно испугалась за себя. Мальцева уже многократно говорила, что ее хотят убить. Но не говорила, кто и за что. В полицию соседка позвонила со своего домашнего телефона. Звонить с телефона Мальцевой побоялась. Страшно показалось находиться в квартире, где только что убили человека. Соседка была, видимо, очень разговорчивой, возбужденной по понятной причине, но все объясняла внятно, продуманно. У меня в голове промелькнула мысль, что люди обычно сообщают о страшном происшествии не так.

При мне капитан Колбасников к соседке еще не ходил. Но пойти должен был обязательно. Он получил все подробные данные о звонке с вызовом оперативной бригады. И потому мне пришлось еще подниматься в уголовный розыск, чтобы навестить Колбасникова.

На лестничной площадке, когда я подошел к дверям на этаж, навстречу мне попался старший лейтенант Юровских. Оперативно-разыскной отдел располагается на одном этаже с уголовным розыском, только в другом крыле. Видимо, старший лейтенант ходил к себе в кабинет, хотя официально он в связи с похоронами, которые должны были состояться сегодня, ушел, видимо, в краткосрочный отпуск.

Старший лейтенант поздоровался со мной, как с уважаемым знакомым. Я этому не удивился и ответил тем же. Весь отдел криминальной полиции меня знает. А я этот отдел знаю только в лицо. Мысленно я уже просчитал время. По идее после похорон Юровских успевал приехать в свой двор, совершить убийство, а потом отправиться в арендованное кафе на поминки. Но это, согласно моему временному графику, получалось только в том случае, если патологоанатом Василий Васильевич ошибается и мне звонила в самом деле Лидия Владимировна Мальцева. Если Василий Васильевич прав, то Юровских в момент убийства находился на кладбище. Обычно тело опускают в могилу в промежуток между половиной второго и двумя часами.

Задавать вопросы старшему лейтенанту я не стал. Во-первых, для этого существует капитан Колбасников и следователь следственного управления Следственного комитета, который ведет дело параллельно. Во-вторых, лестничная площадка – вообще плохое место для допроса: здесь постоянно кто-то мелькает. В-третьих, мне никто не поручал вести это расследование. В-четвертых, я просто по-человечески сочувствовал старшему лейтенанту Юровских, на которого сразу обрушилось столько бед. В дополнение его мать лежала в тяжелом состоянии и жила, как говорили, на одних лекарствах.

И внешне сам Виктор вызывал у меня симпатию. Он был человеком, которого даже подзрывать не хотелось, поскольку он еще не приобрел характерного ментовского самодовольного взгляда и выглядел вполне приличным человеком, особенно в гражданской одежде, в которой сейчас и был. Мне парни с такими лицами всегда симпатичны. И потому, обменявшись несколькими короткими приветственными фразами, мы разошлись. Но вот мимо кабинета капитана Сани я пройти не смог. Постучал и вошел.

Радимова сидела за компьютером и училась печатать всеми пальцами по методичке, которую я ей принес из шифровального отделения разведуправления округа. Я верил, что при ее упрямстве и упорстве методичка может оказаться полезной и капитан Саня не будет тратить целые ночи на набор документов. Ночью спать полагается. Независимо от того, с кем – с котом Шлягером или с открытой форточкой.

- Как дела? – спросил я.
- Домой идти думаю. Ты ко мне?
- К Колбасникову.
- Тебя подождать?
- Не надо. Я неизвестно насколько еще задержусь.
- Тренировка не отменяется?
- Нет. Но на всякий случай позвони перед выходом... Вдруг задержусь...

Я аккуратно закрыл дверь и двинулся дальше по коридору. Кабинет Колбасникова располагался через два кабинета от апартаментов капитана Сани. От Колбасникова доносились звуки гитары и женский голос. Похоже на праздник. Я постучал, услышал приглашение и вошел.

Никакого праздника не было. Капитан сидел за компьютером. Стандартная клавиатура лежала отдельно на рабочем столе, а перед Колбасниковым располагалась клавиатура мультимедийная, со встроенными колонками и еще какими-то прибабасами. Видимо, из дома принес или купил.

В дисковод компьютера был вставлен диск. Играла гитара, под которую женский голос пел о том, что пришла весна и люди, как каждую весну, ждут перемен. Судя по виду, Колбасников был настроен на лирический лад. Глядя в мои прозаически скучные глаза, он спросил:

– Скажи мне, капитан частного сыска, ты чего весной ждешь?

Мы с ним, вообще-то, на брудершафт не пили, но капитан старательно желал разговаривать со мной на «ты». Это не армейская, это ментовская привычка. Но мне приходилось под нее подстраиваться, поскольку я вынужден был постоянно сотрудничать именно с ментами.

– Весной?

– Весной. Каждую весну...

– Естественно, лета...

– А летом?

– Осени.

– Ну, а осенью?

– Не весны же... Зимы, естественно. А зимой снова весны. И так далее, по порядку. Заново не начинать? Поймешь? Если желаешь, могу написать и даже подписаться.

– Пойму. Меня в детстве сообразительным считали. Иногда и сейчас еще что-то соображаю. Ты по делу или как?

– Я не пью, потому «или как» не захожу ни к кому. Ты развлекаешься? Тогда слегка помешаю, если не возражаешь.

– Я на работе не развлекаюсь. Пытаюсь понять, что за человек была убитая.

– Каким образом?

– Она же пела. И даже диски записывала. Самодеятельно, правда, тем не менее. На свои слова пела песни. Вот слушаю... – Он протянул мне пластмассовую коробку из-под компакт-диска с выведенной, видимо, на фотопринтере этикеткой, с которой смотрела Лидия Мальцева.

– Это она поет? – спросил я, кивнув на компьютер.

– Она.

Это был совсем не тот голос, который мне звонил и приглашал спасти от топора убийцы. О чем я сразу же сообщил Колбасникову. Он не удивился.

– Да. Уже есть заключение судмедэкспертизы о времени смерти. За два часа до нашего прихода. Но сам звонок, мне кажется, должен нас насторожить. Что-то с ним не совсем понятно. Ты номер не записал?

– У меня в кабинете телефон без определителя. Запроси телефонную станцию. Когда речь идет об убийстве, суд, думаю, без уговоров даст санкцию на биллинг. Но я не за тем пришел. Ты к соседке ходил? Которая позвонила «02»?

Колбасников скривился.

– Ходил. Сумбурная женщина, слова мне сказать не давала, раз за разом одно и то же пересказывала. Но там еще один интересный момент присутствует. Одна женщина во дворе видела, как в подъезд заходил мужчина с пластиковым пакетом в руке. Женщине показалось, что в пакете было что-то тяжелое. Сейчас, зная, как убита Мальцева, она уже точно утверждает, что там был топор, но при этом признает, что сначала о топоре не подумала. Если интересно, посмотри протокол допроса этой тетки. Хотя я уже все сказал. Время она точно назвать не может, поскольку часы не носит, но твердо знает, что этот человек в том подъезде не живет, но раньше она его как будто где-то видела. Но вспомнить, где видела, не может.

– С твоего разрешения, я все материалы глазами пробегу?

– Пожалуйста. Мне не жалко. Главное, чтобы не ногами.

У капитана, как обычно, сильно потели ноги, и в кабинете из-за этого стоял неприятный запах. Сам он, наверное, уже давно привык к этому и не обращал на это внимания, считая подобное несущественной мелочью. Непривычному же человеку такие «мелочи» были внапряг. Тем

не менее я не собирался покидать его кабинет прежде, чем прочитаю документы. Я человек терпеливый и в состоянии определенное время терпеть эту газовую атаку.

Серо-коричневатая папка-скоросшиватель с еще не оформленным уголовным делом лежала на столе. В отличие от кабинета капитана Сани, мягкого кресла у Колбасникова не было, и мне пришлось воспользоваться стулом, отчего я расстроился, но не сильно. Материалы я решил посмотреть все. Благо их было немного. Протокол с места происшествия и два протокола допросов – соседки по лестничной площадке, которая вызвала полицию на место убийства, и женщины из соседнего подъезда, которая видела человека предположительно с топором в пакете.

Чего-то конкретного и интересного я не нашел ни в одном документе. Кроме того, я имел возможность посмотреть в Интернете материалы прямо на сайте, о чем капитану Колбасникову, как и капитану Сане, знать, в общем-то, и не следовало.

Материалы дела были подшиты, как обычно, в обратном порядке. То есть самый первый был внизу. Я к такому давно привык. Торопливо пробежав по строчкам глазами, я положил папку на прежнее место, хлопнул по картонной поверхности ладонью и встал:

– У меня пока вопросов нет. Что-то будет, я позвоню.

– Звони...

– Номер?

Он назвал. Я, как обычно, запомнил.

– К тебе вопрос есть, – обернулся ко мне Колбасников.

– Слушаю.

– Кто тебя на это дело нанял?

– Никто не нанимал. Сам, как в выгребную яму, провалился...

Он не уловил ассоциации между выгребной ямой и запахом его собственных ног и, кажется, остался доволен ответом. Даже не поморщился...

* * *

Теперь можно было и к капитану Сане зайти, чтобы вместе с ней домой отправиться, поскольку живем мы в соседних домах. Я попытался. Но ее кабинет оказался уже закрытым и опечатанным личной печатью. Не стала меня дожидаться. Но я сам ей не советовал ждать. Не знал, что так быстро с Колбасниковым расстанусь. Днем его ноги рядом с собой еще можно было переносить. Ближе к вечеру это делать труднее.

Добираться до дома мне можно было двумя путями. Один путь – с пересадкой, сначала на трамвае, потом на автобусе. Он более прямой. Но порой приходится долго ждать автобуса. Кроме того, маршрут автобуса полностью оправдывает поговорку, согласно которой дорожный знак «Неровная дорога» придумали специально, чтобы эту дорогу не ремонтировать.

Второй путь проще. Сел на троллейбус – и едешь до остановки около дома капитана Сани. А там уже пешком недалеко. Беда в том, что троллейбус делает большое кольцо вокруг всего города. Но троллейбусы ходят чаще, чем автобусы, хотя и одинаково с трамваями. Кроме того, в троллейбусе, как правило, можно спокойно сесть. А если сразу места не найдется, то на некоторых остановках много людей выходит и места обязательно появляются.

Есть еще, правда, «маршрутки», но там водители совершенно в последнее время испортились и дают сдачу даже с пяти тысячной купюры. Разве напасешься на всех при моих доходах! Я же не олигарх! Потому, подумав, я выбрал троллейбус. Рисковать и толкаться, имея в наличии сломанные ребра, не хотелось. Обязательно какая-нибудь бабуля толкнет локтем в место перелома и тебя же еще, как человека вежливого и с почти интеллигентным фейсом, заставит извиняться. В троллейбусе добираться пусть и дольше по времени, зато спокойнее. Причем

прибываешь на ту же самую остановку, на которую прибывает и автобус. Доехал я вполне благополучно, никто не потревожил мои сломанные ребра, никто не сломал их дополнительно.

На своей остановке я вышел. На улице было еще светло, хотя время стремительно сваливалось к вечеру. Свет в окнах не зажигался, тем не менее я издали нашел глазами окна капитана Сани, пытаюсь определить, дома ли она. Если идти по дорожке, к подъезду Радимовой я не приближусь – прямая бетонная дорожка ведет в обход дома, хотя и имеет отводы-тропинки.

Определить по окнам, дома ли хозяйка, возможности не было. Тут меня как раз отвлекли. Периферийным зрением я увидел человека, который поднял руку и активно замахал ею. Нас из троллейбуса вышло трое: я, незнакомый мужчина и молодая девушка. Не зная, кому машут, я не повернулся.

– Тим... Сосед... – донеслось наконец.

Голос я узнал.

Только после этого я повернулся.

На дорожке, ведущей вдоль дома капитана Сани, стоял мой уголовный сосед со второго этажа Наиль и махал испачканной татуировками рукой. Я в ответ тоже приветственно поднял руку, но увидел движение Наиля – он подзывал меня к себе и делал это так настойчиво, что пройти мимо было нельзя.

Я сделал знак, что заметил, но до поворота на боковую тропинку, протоптанную через газон, было еще шагов десять. Пока я их делал, Наиль не переставал приглашающе махать рукой. А когда увидел, что я сворачиваю, сделал мне навстречу шагов пять, обернулся на угол дома и остановился.

Мне подумалось, что он не желал, чтобы его с родного балкона увидела жена. Наиль жил на втором этаже прямо надо мной и знал, что я машину отогнал в сервис для ремонта, – мы с ним вчера разговаривали на эту тему. Но мне почему-то подумалось, что он встречал именно меня у остановки, специально дожидался не у подъезда, а здесь, где его из окон его квартиры не видно. А если прятался от жены, которая единственная могла увидеть его из окна или с балкона, значит, желал занять денег на выпивку.

Наиль частенько прикладывался к бутылке. Раньше, правда, денег взаймы не просил. Но при расследовании прошлого дела Наиль помог мне справиться с готовившими на меня нападение парнями и, возможно, посчитал, что мы таким образом уже сблизились настолько, что можно ко мне обратиться с подобной просьбой. Обычная человеческая психика. У нас в городке ДОС в соседнем со мной двухквартирном доме проживал тракторист, обслуживавший на своем колесном тракторе и расположение бригады, и дома офицерского состава. Чистил дорожки. Зимой на тракторе, летом с метлой в руках. Этот тракторист всегда занимал у меня деньги, когда ему выпить хотелось, и так же, как Наиль, дожидался у проходной, опасаясь попасться на глаза собственной крупнокалиберной и весьма суровой жене, которая всегда старалась его отловить до того, как тракторист бутылку опорожнит. Она, как он с законным возмущением жаловался, безжалостно выливала бутылку в унитаз. Так что ситуация, когда ощущаешь себя не скрягой, а банкиром, для меня была привычной.

Я подошел к Наилью, который опять на угол дома обернулся. Он выглядел не загадочно-философичным, какими бывают люди, ищущие деньги на выпивку, а, скорее, озабоченным. И сильно хмурился. Но это могло быть и от больной головы.

– Привет, сосед. Что, в этот дом жить переехал?

– Тебя жду.

– Сильно понадобился?

– Слушай... Дело такое... Я тут в магазин хотел сбегать... – Начало беседы подтверждало мои предположения. – Выхожу, значит, из квартиры... Слышу, что-то этажом ниже не так. Начинаю спускаться, а у твоей двери четверо в черных костюмах возятся. На спине надпись «СОБР». Я сначала на надпись внимания не обратил, но вижу, что вооружены. Какие-то авто-

маты у них маленькие, с глушителями. Один из них отмычкой в твоём замке елозит. Я понял, в чём дело, только когда на меня ствол наставили. Иди, говорят, домой и не высывайся. И какими-то красными «корочками» помахали. А я упрямый, меня стволом не напугаешь. «Какого, – говорю, – вам хрена здесь надо?!» Спускаюсь дальше. Смотрю, этот, с отмычками, голову поднимает... А это Касан – домошник старый. Правда, я слышал, он завязал. Мы с ним на одной зоне были, только в разных отрядах. Он тоже меня узнал. Эти козлы, что из СОБРа, меня стволами к стене прижали, но Касан сказал, что меня знает. Сказал, что мы вместе на «хозяина» пахали. Они вроде как слегка притихли. А тут и дверь открылась. Касан их сразу внутрь погнал, пока ещё кто-то в подъезд не вышел. Это сработало. Только один меня спросил про тебя, на дверь стволом показывая: «Хозяина здешнего знаешь?» Я говорю: «Мент какой-то, кажется». Он ничего уточнять не стал, ушел. Только Касан задержался. Один, без автомата. Я спрашиваю: «Что, опять начал?» Он говорит: «Менты помочь заставили». Я спрашиваю: «Это менты?» Он кивнул и в квартиру к тебе заскочил. Я так понял, что там засада какая-то, подумал, предупредить тебя надо. И сразу к остановке. Помню, что ты «без колес» остался. Вот встретил...

– Спасибо, – поблагодарил я его с улыбкой. – Только я сильно сомневаюсь, что это менты. Ладно, разберемся. Касана твоего как, бить можно? Тебе это не обидно будет?

– Он, вообще-то, мужик неплохой. Не подлянистый. Если можно, лучше не бей...

Наиль уже знал о некоторых визитах в мою квартиру и знал, как я с визитерами расправляюсь. Но все же совесть сосед-уголовник имел и потому сказал:

– Там трое с автоматами. Я с тобой пойду...

– Нет, – отказался я категорично. – Тем более они с автоматами...

– Я хорошо дерусь. Пригожусь.

– Не сомневаюсь. Но у меня свои методы. Ты мне только помешаешь.

Чтобы не обижать честного уголовника, я не стал объяснять, что в таких случаях одному обученному действовать проще, чем вдвоем с необученным, которого придется ещё и защищать. Да и не умеет он правильно вести себя под автоматным стволом. Это большая и сложная военная наука, которой на «зоне» не обучают. Его этажом выше жена ждет. Его место там, рядом с женой. И не надо торопиться оставлять ее вдовой. Мне, по крайней мере, было бы ее жалко. Да и его тоже. Неплохой он парень. Честный...

Наиль, мне показалось, даже расстроился из-за его отказа. Я, кажется, нашел для него довод:

– А если это настоящие менты? Я-то выкручусь, а тебе будет сложно. Тем более там человек, который тебя знает. Нет категорически, я один пойду. Но ты – впереди меня. Домой...

– Мне ещё в магазин надо. Жена послала.

До магазина от наших домов была целая троллейбусная остановка.

– Не буду задерживать. Только я этот дом обогну и к подъезду под окнами с другой стороны подойду, чтобы меня не видели.

По большому счету, видят меня или не видят, меня волновало мало. Если не увидят в окно, увидят позже, в квартире. Просто мне хотелось убедиться, что Наиль или уедет на троллейбусе, или уйдет пешком в том же направлении – это тоже возможно. Сам я обычно пешком хожу. И теперь хотел его проводить хотя бы до края длинного многоподъездного девятиэтажного дома.

У меня было три варианта дальнейшего развития событий. Первый и основной – зайти домой, по возможности узнать, какие претензии имеются ко мне, и постараться разрешить их мирным способом. И только если мирного разрешения не получится, обезоружить людей, которые посетили мой тихий и скромный приют, узнать, кто они такие и что им нужно.

Второй вариант – зайти в гости к капитану Сане, чтобы она позвонила в управление и выяснила ситуацию.

Третий вариант – все же взять себе помощника. В этом же большом доме проживает отставной подполковник спецназа ГРУ Скоморохов, который, несмотря на свой возраст, все еще мог дать в рукопашной схватке фору трем ментам хоть из СОБРа, хоть из ОМОНа.

И все же я, несмотря на три сломанных ребра, решил выбрать первый вариант как наиболее соответствующий моему характеру. Второй вариант я отмел по другой причине – не хотелось капитана Саню вовлекать в возможный конфликт с коллегами, если это именно ее коллеги имеют претензии ко мне. В городском СОБРе служит бывший муж капитана Сани, и он ко мне не слишком хорошо относится. Сам он лежит сейчас в госпитале, получив недавно удар бритвой по горлу. И я допускаю, что его коллеги решили со мной поговорить, что называется, по-мужски. Если это настоящие менты, решающие личные проблемы своего сослуживца, тем хуже для них. Я в свои личные дела никого со стороны не допускаю и давления на себя не потерплю. Им же будет позорнее, что человек со сломанными ребрами их сильно уважил своим кулаком, несмотря на то что они пришли вооруженные. И вообще мне стало бы стыдно перед Саней, если я обращусь к ней за помощью по такому вопросу. Это вопрос мужского достоинства.

Вовлекать в свои разборки отставного подполковника Скоморохова не хотелось тем более. У него и так некоторое время назад были неприятности с силовыми структурами. Да и объяснять что-то пришлось бы. И это могли быть объяснения на личную тему. А я не любитель таких разговоров.

Если же это обычные воры – нашивку «СОБР» можно купить в любом подземном переходе, – я просто сдам их в полицию. Попытка вооруженного ограбления – это серьезно, даже если автоматы – простые макеты, которые тоже можно купить в любом охотничьем магазине даже без документов. В том и другом случае у меня будет на ком сорвать свое слегка дурное настроение...

Глава вторая

С Наилем мы дошли до угла, где я пожал ему руку и еще раз поблагодарил за предупреждение. Он сурово и без слов кивнул – похоже, слегка обиделся – и пошел прямо, в сторону магазина мимо строящегося другого такого же длинного дома. А я, проводив его взглядом до забора, обогнул девятиэтажный дом и двинулся через полукруглый двор в сторону своей пятиэтажки.

Моя квартира – угловая, номер один. Окна выходят во двор и в дальний торец дома с шикарным видом на помойку. К своему дому я подошел с другого торца, причем трижды оглянулся, но Наиля, к счастью, не увидел. Видимо, неугомонный сосед внял моим аргументам и пошел-таки в магазин, куда его отправила жена.

В сторону подъезда я сначала двинулся по тротуару, потом свернул ближе к дому, пошел вплотную к нему, даже задевая местами плечом стену из силикатного кирпича. Увидеть меня могли только из окон первого этажа, под которыми я проходил. Но под своими окнами я проходить не намеревался.

На ходу обдумывал возможную линию поведения. Если это в самом деле собровцы, хотя я и не понимаю, что им от меня нужно, то стрелять они в доме, скорее всего, не будут. Останутся уверенными, что смогут со мной справиться и без стрельбы. Они по безысходной наивности думают, что чего-то могут, как, впрочем, и большинство ментов. Чего они могут, я знаю, если они тренируются в «рукопашке» два раза в неделю по часу. Сам их расписание видел. У нас в роте солдаты по три часа в день тренируются, но достичь офицерского уровня не могут, поскольку солдаты служат год, а офицеры так тренируются из года в год.

Но пространство комнаты и предельно малое количество мебели позволит парням из СОБРа нападать на меня, травмированного, с разных сторон одновременно, что мне, признаюсь, не совсем по душе. А это значит, что моя задача – выманить их всех в тесную прихожую. Там они потеряют численное преимущество. Не потому, что их станет меньше, а потому, что там я смогу применить специальные приемы.

Качество моей подготовки, конечно, и в комнате должно было бы сказаться, но я опасался за свои сломанные ребра. Попадут кулаком в больное место, я вспыхну и возведу штабель из трупов. Ведь, если судить по большому счету, значительную часть моей предыдущей жизни меня учили отнюдь не драться, а хладнокровно убивать, в том числе и голыми руками, в том числе и вооруженных противников.

А в тесноте прихожей я, имея дополнительную подготовку по подсистеме рукопашного боя «бокс в телефонной будке», вполне могу не просто составить конкуренцию троим парням из СОБРа и четвертому, уголовнику, если пожелает к ним присоединиться и получить свое законное в виде нескольких прицельных ударов. Но я сумею сделать это, не пострадав сам. Их беда в том, что меня обучали не просто бить, а бить точно в места наиболее сильного поражения.

С этими мыслями я вошел в подъезд. Хотел было позвонить в дверь, но передумал, чтобы не подставлять Наиля, на которого могут подумать, если встанет вопрос, кто меня предупредил. Я достал связку ключей и громко загремел ими. У меня на одной связке были ключи и от квартиры, и от кабинета, и от оружейного сейфа, и от служебного сейфа – греметь было чем. Кроме того, такая увесистая связка была и неплохим оружием. Применять пистолет я не спешил. Я вообще предпочитаю обходиться без стрельбы, если можно добиться победы руками. А оружием может стать все, даже огрызок яблока, что валялся перед подъездной дверью.

Подумав, я вернулся к двери подъезда и подобрал этот огрызок. И только после этого подошел к своей двери, снова потряс связкой, освобождая нужный мне ключ, и смело открыл дверь.

Сразу за дверью, широко улыбаясь, стоял крепкий мужик примерно моего возраста или чуть постарше в черной униформе, которую носят бойцы СОБРа, в бронежилете и держал в руке опущенным вниз пистолет-пулемет «ПП-2000» с глушителем. Хотя этот пистолет-пулемет и проходил испытания в спецназе ГРУ, создавался он изначально для полиции и спецслужб по заказу МВД, считался почти идеальным оружием для боя в городских условиях. Правда, и в полевых условиях, и в горных, и в лесных это оружие зарекомендовало себя неплохо. Я сам, признаюсь, с ним не воевал, мне только доверяли его пару раз, чтобы пострелять в свое удовольствие, дабы получить понятие об этом оружии.

– Заходи, гостем будешь... – сказал мужчина, чьи погоны скрывал бронежилет и «разгрузка» с большими чем-то набитыми карманами.

– Я вообще-то предпочитаю в своей квартире быть хозяином, а не гостем, – ответил я намеренно неуверенно. – Но если уж приглашают, почему бы не войти...

Мужчина попятился, наступив при этом на ногу одному из двух своих напарников, которые тоже пожелали меня встретить в прихожей.

Выманивать их не пришлось. Сами по глупости двинулись мне навстречу.

– А нас пугали, говорили, что он буйный, людей уродует... – из-за плеча первого молодым голосом сказал другой.

Они сразу допустили непростительную ошибку – не включили свет. Так они даже не поймут, почему они вдруг теряют сознание. Впрочем, при свете они тоже не успели бы понять. Но в полумраке мне было легче работать. Я с этой обстановкой прекрасно знаком, знаю расстояние от стены до стены и от двери до стены.

– Так какого хрена вам, господа неуважаемые, надо в моей квартире? – спросил я строго, но с улыбкой, которой разбавил концентрацию их внимания и в дополнение небрежно сунул руку в карман. Это всегда противника расслабляет.

Вытащить оттуда, скажем, пистолет я не должен был. Они понимают прекрасно, что отставной офицер спецназа не будет носить пистолет в мелком кармане куртки, откуда оружие просто-напросто может вывалиться. Мое движение выглядело интуитивным, несуетливым и опасения не внушало. Даже, наоборот, показывало мое нежелание обострять ситуацию.

– Нас попросили тебя, капитан, задержать и доставить в СИЗО³. А утром с тобой следак говорить будет. Если доживешь до утра. А то тебя в общей камере ждут не дождутся. Многие интерес к твоей особе имеют.

Это была уже угроза, и угроза нехорошая. Если какой-то следователь интересуется моей персоной, он вполне может поговорить со мной в любое время, без запираения меня в камеру, тем более в общую.

– Попросили или приказали? – поинтересовался я невнятно, словно бы в растерянности и с откровенным огорчением в голосе, чем расслаблял их еще сильнее. Мне, конечно, хотелось разобраться, за что меня намереваются задержать, что за следователь отдал такое распоряжение и почему меня хотят упрятать в общую камеру. Хотя я и не мент, но частных детективов тоже берегут от мести уголовной братии. А если хотят запереть в общую камеру, значит, это какая-то месть одновременно с двух сторон – и уголовного мира, где были люди, желающие мне отомстить, и подчиненных этим людям правоохранителей, что само по себе в наше время совсем не нонсенс.

– А тебе какая разница! Приказали... Попросили...

– Если попросили, а вы не сможете этого сделать, это вам может сойти с рук. А если приказали, а вы не сможете – дело хуже. Кроме того, приказ должен иметь обеспеченное законом основание, а просьба может носить частный характер.

³ СИЗО – следственный изолятор.

– А кто тебе сказал, что мы не сможем? – радостно поинтересовался молодой голос. Над плечом первого из темноты прихожей высунулась прыщавая худая физиономия высоченного бойца СОБРа. На таких длинных форму следует по спецзаказу шить. И бронежилет для них надо заказывать. А то «юбка» стандартного ментовского бронежилета будет показывать миру брючный ремень такого бойца.

– Никак, капитан частного сыска желает сопротивляться... – удивился третий из-за другого плеча первого «гостя». – И побить нас попытается...

– Ты знаешь, мне с детства воспитание не позволяет человека сразу в харю бить... – ответил я в темноту прихожей. Своей, кстати, прихожей, ставшей вдруг такой негостеприимной. – Иначе я тебя уже уронил бы здесь же, и надолго. Правда, потом пришлось бы повозиться, в подъезд выбрасывая...

Этот третий оказался по характеру самым задиристым. Он рукой отодвинул первого, чтобы оказаться прямо против меня. Крупный мужичок, крепкий и, видимо, сильный. Но слишком уж самоуверенный.

– И что же ты делаешь в конфликтных ситуациях? Тебе, предположим, в морду, вот так...

Он попытался ударить меня в лицо. Ох, не следовало ему этого делать. Я ведь и обидеться могу. И продемонстрировать разницу между СОБРОм и спецназом ГРУ. Можно было бы попробовать повторить тот вариант, что я сегодня уже демонстрировал с еще более крупным патрульным, но прихожая была слишком тесной. Его руку я легко отбил, направив кулак в дверной косяк, что, судя по паре сорвавшихся с языка слов ненормативной лексики, не доставило ему большого удовольствия. Сам я ответил по-другому, более сдержанно, и сразу сопроводил слова действием:

– Если бить в харю мне воспитание не позволяет, я обычно даю пинка между ног...

Нога выпрямилась резко, с полушагом назад другой ногой. Если бы я играл в футбол и бил по мячу, он наверняка улетел бы за пределы стадиона. Мой противник не улетел на ближайшую помойку только потому, что ему помешал потолок. Отпрыгнув, он упал спиной на висящий у стены боксерский мешок и с жутким скрипом зубов сел на пол, двумя руками ухватившись за то место, куда пришелся удар. Это все я видел в слабом свете, идущем из подъезда, дверь в который я так и не закрыл.

– Дурак, у него через неделю свадьба... – сказал первый в растерянности и хотел было поднять ствол своего пистолета-пулемета.

Но было уже поздно. Я уже начал работать, и мне трудно было остановиться, чтобы посоветовать жениху. Пока они не опомнились, следовало дело завершить. Останавливаться было нельзя, хотя пришли они почти с мирными намерениями, как мне показалось сначала. По крайней мере, не били сразу стволами в ребра, что, вообще-то, очень больно, если на тебе нет тяжелого бронежилета. А у меня побаливали сломанные ребра, значит, мне и в бронежилете было бы больно. Но сами они были в бронежилетах, причем именно в тяжелых, значит, наносить им удары в корпус – это свои руки уродовать. Если даже пуля при поцелуе с бронежилетом сплющивается, то уж кулак сломается обязательно.

Я не дал возможности первому поднять пистолет-пулемет. Коротким и резким, наполовину боковым, наполовину ударом снизу основанием ладони в самый край подбородка я отправил противника в глубокий аут. Но упасть ему не позволил, ухватив за карманы «разгрузки», поскольку за его спиной стоял еще и длинный с прыщавой физиономией.

Длинный отступал. Судя по истеричному воплю, он наступил на пораженные моей ногой атрибуты половой принадлежности агрессивного жениха. Обычно у высоких людей и обувь бывает большого размера. Видимо, подошва башмака прыщавого имела большую поражающую площадь, а каблук слегка отличался по тактильности от подушки.

Сам он, кстати, испугался этого крика больше, чем меня. Это позволило мне сблизиться, отвести в сторону ствол пистолета-пулемета третьего, а самого его поприветствовать ударом лбом в челюсть. Для этого мне даже наклоняться не потребовалось. Разница в росте как раз была удобной для нанесения удара. Парень упал, громко загремев костями в мешке из собственной кожи.

Вопрос был решен кардинально. Но решился он потому, что меня попытались ударить первого, здесь сработала моя реакция. Я ведь не только нападать обучен, я еще и защищаться умею. Правда, нас именно так и учили, что лучшая защита – это нападение. Но это уже издержки подготовки. СОБР тоже специалисты готовят. Хотя готовят, как я давно уже понял, недостаточно качественно.

Я включил в прихожей свет, закрыл дверь, чтобы в очередной раз не пугать соседей. У каждого бойца СОБРа должен быть на поясе за спиной чехол с наручниками – штатное расписание обязывает носить. Наручники нашлись. И руки для них нашлись. Как раз три пары. В сознании находился только один из троих, но оказать сопротивление он был не в силах. Только слишком громко ругался, вращая глазами от непроходящей боли. Пришлось приложиться протезным металлическим коленом и к его подбородку, чтобы затих.

Ключи от наручников я сразу погнул и сунул себе в карман. После этого, помня, что в квартире находится еще и какой-то уголовник Касан, собрал оружие, повесил его себе на одно плечо, которое даже не опустилось под тяжестью – магазины в пистолетах-пулеметах были пустые, следовательно, задание собровцы получили неофициальное, – и открыл дверь в комнату.

– Уделал их? – без удивления, как о нормальном факте, спросил хриплый голос с кухни. – Мне так и говорили, что ты их, скорее всего, уделаешь...

Я шагнул в кухню. Касан сидел рядом с газовой плитой со стаканом в руке. Пил чифирь, держа стакан двумя татуированными руками, словно кисти грел. Мне, вообще-то, принципиально не нравится, когда на моей кухне хозяйничают посторонние люди, но сейчас мне кое-что нужно было узнать у этого «расписного» чуда, и потому я спокойно сел рядом. Пистолеты-пулеметы я устроил у себя на коленях, прижав их руками. Касан молча, как само собой разумеющееся, протянул мне стакан с чифирем. Какой щедрый мужик попался! Угощает... Меня, моим же чаем... Щедрый до безобразия...

– Чифирь не потребляю.

– А водку?

– Даже когда тост за здоровье поднимают...

– Что так?

– Считаю такой тост издевательством над печенью.

– Ладно. Но мне одному целый стакан – это тоже перебор... Мотор не выдерживает. Я уже не молод, – усмехнулся он.

– Вылей. Раковина под боком. Только раковину вымыть не забудь. И побыстрее, пока твои друзья не очухались.

– Видно, что командир. Приказывать любишь...

– А ты думаешь, я тебе серенады петь собрался? Благодарен будь Наилу. Он попросил тебя сильно не бить. Не то лежал бы сейчас вместе с теми, с кем пришел.

– Не-а, мне их компания не нравится.

– Тогда какого хрена ты сюда пришел?

– Попросили дверь вскрыть... А у нас как... У нас попробуй откажись... Из карцера выбираться не будешь... Система такая...

– Тебя откуда выцепили-то?

– Из СИЗО, понятно.

– А Наиль говорит, ты «завязал».

– Вообще-то я «завязал», бабу себе нашел. Хорошая баба. У нее и жил. Да участковый стал к нам похаживать. За моей бабой увязался. Я ему раз сказал, два сказал. А третий раз я говорить не люблю. Вот в СИЗО и попал. А через пару дней вот вытащили, так и так, говорят, квартиру вскроешь – домой пойдешь. И дело, говорят, на тебя закроем... Кто ж в своем уме откажется! Есть люди, которым на зоне привычнее, чем дома. Я не из таковых...

– И не спросил, чью квартиру?

Мне нравились его самообладание и спокойная, несуетливая манера разговора.

– Как без этого? Спросил. Объяснили. А про тебя много разговоров ходит. Тебя уже в другой камере давно ждут. В СИЗО специально в одну камеру беспредельщиков собрали, чтобы тебя к ним сунуть. Проинструктировали. Будь готов к этому. Сегодня выкрутился, завтра «закроют». Против системы не попрешь...

– Приятно такое внимание, – я сделал вид, что воспринимаю сказанное почти равнодушно. – А кто распорядился?

– Следак из Следственного комитета. Подполковник Пашунин. Он и парней в камере предупредил, что ты половину там перебьешь. Они не поверили. Посмеялись только. Парни крутые – «качки». Он и ментов предупредил, что можешь их «завалить». При мне предупредил. Они тоже только посмеялись. А я теперь вижу, что зря смеялись.

– А что этот Пашунин против меня имеет?

– По слухам, попросили его. Из зоны привет с просьбой передали. Маляву⁴ нарисовали... Из рук в руки, как полагается...

– Расинский? – спросил я.

– А я знаю? – Касан упорно смотрел в темный вечерний потолок, чем-то там откровенно и сосредоточенно любуясь.

Я понял, что попал в точку. Расинский, бывший заместитель председателя областного законодательного собрания и одновременно местный уголовный авторитет, даже находясь в зоне, оставался в городе влиятельным человеком. И даже действиями следователей Следственного комитета, как оказывается, руководил. Мне осталось только поблагодарить Касана за предупреждение. Что я и сделал.

– Спасибо за предупреждение. В СИЗО снова попадешь, передай там, что, если со мной что-то случится, моя рота спецназа СИЗО штурмом возьмет. И тех беспредельщиков, к которым меня посадить хотят, на недельку к себе в казарму заберет. На кардинальное исправление. Вместо боксерских мешков будут на занятиях по «рукопашке» использовать. Примерно это же ожидает и подполковника Пашунина. И начальника СИЗО тоже. Так и передай им всем при встрече. Обязательно передай, не забудь. А пока... Ты посиди здесь смирно полчаса. Я тебе твои отмычки оставляю. Через полчаса выйдешь в коридор. Сможешь с ментов наручники снять?

Он ухмыльнулся самодовольно. Как специалист высокого класса.

– Там разве есть замок? Не слышал, чтобы на наручниках замки были...

– Но ты сильно не спеши. Ментам тоже пора к наручникам привыкать. В конце концов, на них их обязательно наденут. Или у тебя другое мнение?

– Мент, в моем понимании, он и в Африке мент. В Африке ему и место. Среди крокодилов.

– Вот и не спеши. Полчасика здесь посиди, даже если звать будут. Иначе у себя в СИЗО прослывешь ментовским помощником. Посидишь?

– А что я скажу? Почему сразу не вышел, когда звать начали?

– Дай руку... – попросил я.

⁴ *Малява (блатн. жарг.)* – письмо с сообщением, отправленное по криминальным каналам, не через почту.

Он руку подставил. Я взял его за пальцы и постучал по своей протезной коленной чашечке.

– Высоколегированная нержавеющая сталь... Как думаешь, что бывает с челюстью человека, которому я коленкой ткну?

– Куча осколков.

– Смотря куда бить. Можно и без осколков обойтись. Я умею.

– Бить будешь? – вяло поинтересовался Касан, тем не менее я почувствовал, как он слегка напрягся.

– Наиль просил за тебя. Бить не буду, но попрошу сказать, что я коленкой твоей челюсти коснулся. За это в карцер не отправят. Разве что в лазарет. Отдохнешь, жирка подкопишь...

– Только не в СИЗО. Там лазарет хуже, чем в «психушке».

– Тогда можешь в лазарет не проситься. А дело твое – твои проблемы с участковым... Почему оно через Следственный комитет проходит? Степень тяжести не та... Участковый жив?

– Жив. Побой в поликлинике «снял». Сначала в райотделе расследовали, потом следак сменился, и этот появился, подполковник...

– Я попрошу начальника городского угрозыска, чтобы дело в горотдел передали и участкового с должности сняли. Это возможно, если твоя подруга подтвердит факт его домогательств. Подтвердит?

– Без уговоров. Он ей поперек горла, как кость...

– И отлично. Услугу за услугу. Договорились?

– Нет проблем.

Я встал и пожал Касану руку.

– А оружие? Эти козлы про оружие спросят.

– Скажешь, как есть. Я забрал... И дверь закрыть не забудь. Замок просто защелкивается.

Касан угрюмо кивнул. То ли он от природы был таким угрюмым, то ли ожидал для себя последствий от сегодняшнего провального дела, я так толком и не понял. Но меня это, вообще-то, и не касалось.

Я зашел в комнату, достал из бельевого шкафа рюкзак, загрузил туда компактные пистолеты-пулеметы, убрав предварительно в корпус телескопические приклады⁵, потратил еще несколько минут на сборы, предполагающие мое долговременное отсутствие дома, и направился к выходу. В сторону кухни даже не посмотрел.

Тот из ментов, что не умеет в футбол играть, жених, был уже в сознании и смотрел на меня расширенными зрачками. Когда у человека до такой степени зрачки расширяются, он ничего вокруг не слышит и не соображает от боли. Значит, если и слышал мой разговор с Касаном, то понять ничего не мог. По сути, боец СОБРа находился в состоянии болевого шока. Чтобы он не сильно мучился от боли, я, как человек сердобольный, еще раз показал ему, как надо в футбол играть. Только теперь уже задел краем подошвы самый кончик его подбородка. Такое аккуратное движение обеспечит ему медленный и плавный выход из шокового состояния. Это всегда благотворно сказывается на состоянии здоровья в последующем...

* * *

Конечно, я непростительно избаловался за последние пару с половиной месяцев, с тех пор, как перешел из разряда командира роты спецназа ГРУ в разряд капитана частного сыска. И сказалось это в машинальном движении, совершенном у дверей подъезда. Еще не открыв дверь, я уже попытался нашарить рукой ключи от машины в кармане штанов. И только потом,

⁵ Пистолет-пулемет ПП-2000 выпускается как с телескопическим, так и со складывающимся вбок прикладом. Все зависит от модификации.

когда дверь открыл, сообразил, что я остался без машины и сейчас не могу сесть за руль своего «Джимни» и уехать.

В кармане нашупывался только огрызок яблока, который я думал использовать как оружие, но забыл про него. Я даже забыл, как именно хотел его использовать, хотя обычно такие вещи просто перед ударом бросают противнику в лицо, заставляя среагировать не на то, на что реагировать следует. И потому, выбросив огрызок, я быстрым шагом двинулся вперед, к соседнему дому. Домофон на двери первого подъезда спросил меня голосом капитана Сани:

– Что это ты с рюкзаком? Сегодня тренировка на лоне природы? Я выхожу...

– Не торопись. Тренировка отменяется. У меня ЧП.

На языке уголовного розыска, так же, как и на языке спецназа ГРУ, понятие «ЧП» далеко не обязательно обозначает «частный предприниматель». Гораздо чаще это – «чрезвычайное происшествие». Радимова поняла меня сразу. И тут же приглашающе щелкнул замок на подъездной двери. Реакция у капитана Сани хорошая, соображает она быстро и действует, в основном, правильно.

В этом я убедился, пытаюсь обучать ее рукопашному бою. Хотя сами эти занятия Радимова считала необходимыми для капитана уголовного розыска, тем не менее радости они у нее не вызывали. Как женщине жалостливой, ей было сложно заставить себя причинить физическую боль другому человеку. Тем не менее от занятий она не отказывалась, понимая, что человеку, каждый день имеющему дело с преступниками, это при случае может оказаться необходимым.

Да и к тренеру, как мне казалось, она испытывала самые теплые чувства и не желала его расстраивать отказом от тренировок. А сам тренер, я то бишь, чувствуя ее внутреннее сопротивление при обучении отдельным элементам «рукопашки», надеялся со временем «сломать» характер ученицы и внушить ей необходимость применения самых жестких, иногда даже жестоких методов.

До второго этажа даже с относительно тяжелым рюкзаком подняться без помощи лифта мне в мои годы несложно. И даже протезы на правой ноге не становятся помехой. Я поднялся, привычно шагая через две ступени. Капитан Саня уже открыла дверь, поджидая меня. В квартиру запустила, не спрашивая ничего. Сразу за порогом меня встретил ее пушистый кот Шлягер, вместо приветствия потерся о мои ноги, считая меня своим, может быть, даже родственным существом. Погладив кота, я положил рюкзак на пол в углу, разулся и прошел в комнату, размерами ненамного превышающую мою. Сел, как упал, в кресло. И сразу попросил:

– Чайком угостишь? А то от чифиря я отказался, а пить хоцца...

Она торопить меня не стала. Молча прошла в кухню, налила воду в электрический чайник и щелкнула выключателем. Пока чайник закипит, можно трижды пересказать все, что случилось. Судя по внимательному взгляду, Радимова этого и ждала.

И я начал рассказывать. С самого начала, со встречи неподалеку от ее подъезда с Наилем. Не забыл выложить и историю Касана вместе с просьбой защитить того от участкового.

Капитан Саня – сообразительная, ей дважды говорить одно и то же не потребовалось. Она все поняла сразу. Взяла трубку и, набирая номер, вышла в кухню.

Из-за шумного чайника мне были слышны только отдельные слова. Но я догадался, что она звонит своему дежурному. Скорее всего, даже не по городу, а дежурному по уголовному розыску. Как я понял, ей обещали что-то узнать, а потом перезвонить.

Закончив разговор, она оставила трубку на кухне, а в комнату вошла с подносом в руках – чай уже разлила. Знала, что я люблю пить чай или совсем без сахара, или с минимумом сахара, в зависимости от настроения, и потому предоставила мне возможность самому его в чашку положить. Я положил две ложки, что уже само по себе означало наличие у меня дурного настроения. В хорошие времена я больше одной ложки не потребляю.

– Сейчас дежурный все выяснит и позвонит мне. Пока могу сообщить немного. Наш СОБР никуда не выезжал. И вообще выезд трех бойцов – это нонсенс. Группа обычно состоит из шести человек.

– Да, я на это тоже внимание обратил. Но предположил, что одновременно совершалось два выезда и потому группу разделили пополам. Правда, меня смутило то, что бригада выехала с незаряженным оружием. Впрочем, карманы их «разгрузок» я не проверял. Там были магазины, и вполне допускаю, что с патронами.

– Вот оружие ты напрасно забрал.

– Чтобы не получить очередь в спину, если у них патроны все же есть. Я же не врач, я не имел возможности проверить, кто из этих парней без сознания, а кто прикидывается. Я выйду, они схватят ствол и сквозь оконное стекло – очередь мне в спину. В общем, обезопасил себя таким образом.

– Все равно, это неприятность. Могут статью открыть. Своевременный возврат, конечно, дело притормозит, тем не менее скандал обеспечен.

Хотя скандалом это больше грозит самим офицерам СОБРа⁶. Может потянуть на служебное несоответствие.

– А следователю следственного управления?

– Там еще разбираться нужно. На каком основании тебя могли в СИЗО «закрыть»?

– Я это знать должен?

– За собой грехов не помнишь?

– Не помню.

– Я с подполковником Пашуниным не знакома. Не пересекались пути. Ничего о нем сказать не могу. Дежурный узнает...

⁶ В СОБРе, в отличие от ОМОНа, служат только офицеры в званиях не ниже младшего лейтенанта.

Глава третья

Дежурный узнал. Наш разговор как раз прервал его звонок.

– Оперативно сработал. – Капитан Саня вышла на кухню, где оставила трубку, и я услышал оттуда:

– Котов...

Видимо, она посмотрела на определитель номера. Начальник городского уголовного розыска подполковник Котов мог звонить и по моему вопросу, мог звонить и по вопросу постороннему. Но я был бы рад, если бы Василий Андреевич в это дело вмешался. Он был человеком честным и справедливым, не боялся выступить со своим собственным мнением против начальства любого уровня, и ему можно было довериться. Возможно, именно потому подполковник, занимающий полковничью должность, до сих пор не получил положенную звездочку на погоны. Впрочем, он и подполковником-то стал только несколько месяцев назад. Я допускаю, что полковником он стать еще сможет, но до генерала с таким характером ему, скорее всего, не дослужиться.

Чайник, тихо остывая, уже не психовал. Не мешал слышать, что говорит Радимова. А она, как специально, отвечала односложно: «да», «нет», «так точно». Из одностороннего разговора такого характера что-то выудить невозможно даже при самом богатом воображении. Я уже и прислушиваться перестал.

Наконец капитан Саня вышла из кухни вместе с трубкой, которую сунула в карман плотного махрового домашнего халата.

– Слышал?

– Только твои междометия...

– Я разве говорила междометиями?

– Я не настолько силен в русском языке, чтобы быть категоричным, тем не менее...

– Тем не менее ты ничего не понял...

– Ровным счетом ничего.

– Вот, «ровным счетом» – это междометие.

– Не буду спорить. Так что сказал Котов?

– Он на службе задержался и как раз выходить хотел, когда я дежурному позвонила. И Василий Андреевич взял на себя заботу о тебе. Вернулся в кабинет, чтобы все самому выяснить.

– Очень благодарен ему за это. И что он выяснил?

Капитан Саня, очевидно, тоже против такого вмешательства не возражала.

– Начнем с главного. Со стороны областного следственного управления дело об убийстве Галины Юровских и Лидии Мальцевой ведет советник юстиции Пашунин. Подполковник юстиции Пашунин. Котов его хорошо знает и говорит, что врагу своему не посоветовал бы довериться этому человеку. Скользкий, грязный, нечист на руку, использует свои связи в уголовном мире. Возможно, связан с Расинским, хотя это и не доказано. Но какие-то дела парней Расинского Пашунин вел и благополучно закрыл «в связи с невозможностью создать доказательную базу». Это Василий Андреевич сам только что по компьютерной базе пробил и убедился, что дела закрывал именно Пашунин.

Теперь относительно тебя лично. Примерно в то же самое время, когда ты заходил в дом к убитой Мальцевой, женщина во дворе видела человека, который нес в пакете, как ей показалось, топор. И вошел этот человек в тот же самый подъезд...

– Мне это говорили. Кажется, капитан Колбасников это даже в протокол занес.

– Да. У него есть эти сведения. А потом эта же женщина увидела того самого человека, уже выходящего из подъезда. И человек этот остановился, разговаривал о чем-то с прибывшим

на место убийства полицейским нарядом. Человек сказал что-то полицейским, они записали. Полицейских допросили. Они разговаривали только с водителями машин оперативной следственной бригады и с тобой. После разговора с тобой они сразу уехали. Но только ты давал им какой-то телефон, который они записывали.

Капитан Саня говорила с нажимом, словно предъявляла мне обвинения. Хотя, скорее всего, она просто хотела показать этим, что обвинение достаточно серьезное.

– Ни когда я входил в подъезд к Мальцевой, ни когда выходил из него, у меня не было в руках пакета. Ни с топором, ни без топора. И не было даже рюкзака с тремя пистолетами-пулеметами ПП-2000. Когда, кстати, такими вооружат городской СОБР?

Капитан Саня пожала плечами с откровенным неудовольствием, явно не радуясь моему легкому отношению к такому серьезному обвинению. И продолжила:

– Подполковник юстиции Пашунин попытался найти свидетельницу, но ее дома не оказалось. Соседи сказали, что женщина уехала к сыну и вернется, как обычно, только рано утром. Сын живет в пригороде, в поселке Плановый, и ездит в город на работу на электричке. Она обычно едет вместе с ним и возвращается, когда город еще спит. Потому Пашунин не мог сразу провести опознание подозреваемого, тебя то есть, позвонил в областное управление, но там СОБР был на выезде. Опасаясь, что и тебя придется в нужный момент искать с собаками, Пашунин попросил послать на задержание свободных бойцов СОБРа. Трое не успели уйти домой с дневного дежурства. Их и отправили. О том, чтобы доставлять задержанного в СИЗО, по словам Пашунина, речи не было. Хотя инструктажа мы не слышали, а сами бойцы СОБРа, по твоим словам, говорили именно про СИЗО. Это еще предстоит выяснить.

– И не только они говорили. Еще и этот квартирный вор...

– Да, что касается квартирного вора. Пашунин опасался, будучи наслышан о твоей прыти, что ты просто не откроешь дверь СОБРу, а перестрелка через дверь неизвестно чем закончится, и потому попросил начальника СИЗО найти ему среди заключенных какого-нибудь парня с небольшим обвинением, но обязательно умеющего работать с отмычками. Это сейчас вообще редкое умение, насколько мне известно. В основном вору работают или подбором ключей к стандартным замкам, или просто взламывают двери с помощью монтировки. Взломщики с отмычками – это старая гвардия воровского мира, отживающие свой век «мамонты».

На мой взгляд, подполковнику юстиции необходимо было знать, что Касан находится в СИЗО, чтобы с такой просьбой обратиться к руководству заведения. Или это просто случайное совпадение. Это ты сам соображай и выясняй, поскольку подставить, как я понимаю, хотят именно тебя. А на мне и без того в настоящий момент пять дел висит, и одно другого запутаннее.

Что касается оружия, давай поступим по совету Котова – оставь свой рюкзак у меня. После твоего ухода я позвоню Котову, он позвонит в областное управление, оттуда пришлют за оружием побитых тобой бойцов. Кто будет в состоянии приехать... В областном управлении, как понял Василий Андреевич, хотят избежать скандала и не будут возбуждать против тебя дело. Как-никак, потеря оружия, да еще автоматического, да еще сразу в трех экземплярах – это серьезное ЧП. А дежурный не имел права посылать этих бойцов в помощь Пашунину без официального документа. Свои травмы, если они не позволят бойцам выйти на службу, они объяснят бытовыми причинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.